

Чжоу Юньчуань подумал и ответил:

— Я дал.

Он не хотел хвастаться, но боялся, что капризный Чэн Кэ, узнав, что это подарок от кого-то другого, откажется его носить. Если же он скажет, что это его подарок, то Чэн Кэ, скорее всего, согласится.

Как и ожидалось, Чэн Кэ слегка улыбнулся и снова спрятал Нефритового Будду под одеждой:

— Я не люблю носить такие вещи, но раз ты дал, я буду носить.

Чжоу Юньчуань больше не стал спрашивать Чэн Кэ. Его интуиция подсказывала, что тот не хочет обсуждать эту тему. Чэн Кэ только что очнулся, и Чжоу Юньчуань хотел, чтобы он был счастлив. Что касается мистических вещей, о которых говорил Лу Цзинчунь, он решил сделать вид, что ничего не знает, но теперь он хотел ещё больше защищать Чэн Кэ.

Чэн Кэ выпил воды, съел немного лёгкой пищи и устроился в кровати, не желая двигаться. Чжоу Юньчуань не стал его беспокоить. Он уже решил, что даже если Чэн Кэ не поступит в Киноакадемию, компания «Байчуань» всё равно подпишет с ним контракт и будет продвигать его.

Устроившись поудобнее, Чэн Кэ вдруг вспомнил свой сон. Вспоминая, он подумал, что ощущение пера на лице и губах было странным. Он резко повернулся к Чжоу Юньчуаню:

— Мне снилось, что ты меня поцеловал. В лоб и в губы.

Чжоу Юньчуань мгновенно застыл на месте. Чэн Кэ подумал, что он просто удивлён, и с лёгкой улыбкой сказал:

— Просто шучу.

Чжоу Юньчуань с облегчением вздохнул. Видя, как бледен был Чэн Кэ, он почувствовал такую боль в сердце, что не смог удержаться и поцеловал его в лоб. После этого он задержал взгляд на его губах, словно под гипнозом, и медленно наклонился, чтобы поцеловать его. Затем он нежно обнял Чэн Кэ, пока тот не проснулся.

— Не шути, в последние дни твои родные очень за тебя переживали. Позвони им скорее, сообщи, что всё в порядке.

Чэн Кэ оставил эту тему и начал звонить своим родным и друзьям, чтобы сообщить, что с ним всё в порядке.

Тем временем в управлении кладбища Чжу Минсуй смотрел на Линь Пиньлуня, который едва мог стоять на ногах и боязливо прятался от него. Внутри Чжу Минсуя бушевала ярость.

Он изначально не хотел ссориться с Чжоу Юньчуанем, но тот и его возлюбленный перешли все границы. Когда он увидел Линь Пиньлуня, его кожа была почти полностью обожжена, кроме лица, а нога была сломана. Хотя её и вылечили, теперь он будет хромать.

Чжу Минсуй снова навестил его через несколько дней, и Линь Пиньлунь оказался в полном умственном расстройстве, даже не узнавая его.

Чжу Минсуй почувствовал странность и попросил кого-то проверить, что произошло.

Оказалось, что всё это сделал Чжоу Юньчуань.

Чжу Минсуй знал, что семья Чжоу обладает большой властью и связями, но семья Чжу тоже не была слабой. Говорят, что даже когда бьют собаку, смотрят на хозяина, но Чжоу Юньчуань просто уничтожил человека, который был его возлюбленным. Чжу Минсуй не мог смириться с этим, но что он мог сделать?

Линь Пиньлунь прятался за другим зрителем, его взгляд был испуганным, и он выглядел очень напуганным. Чжу Минсуй чувствовал, что чем больше он смотрит, тем больше ему становится не по себе. В конце концов, он просто развернулся и ушёл.

Он признал, что не так сильно любил Линь Пиньлуна, но такой конец всё же вызывал сожаление. Он вздохнул — это было результатом его собственных грехов.

Линь Пиньлунь покорно смотрел в направлении, куда ушёл Чжу Минсуй, и глупо спросил у родственника рядом:

— Я голоден, хочу есть.

На самом деле, возможно, это был лучший исход для Линь Пиньлуна. Он забыл всё прошлое и теперь был просто наивным ребёнком.

Тем временем, когда Чэн Кэ только что очнулся, в доме, где раньше жили Чжао Чжиман и Чэн Чжилинь, последний тоже только что проснулся. Но, проснувшись, он обнаружил, что связан.

Чэн Чжилинь попытался освободиться от веревок, но они были слишком туго затянуты, и он не мог пошевелиться.

Чжао Чжиман открыла дверь и, увидев, что он проснулся, улыбнулась:

— Муж, ты проснулся?

Чэн Чжилинь сразу же начал ругаться:

— Сучка, развяжи меня! Что ты задумала? Ты что, хочешь меня убить? Убьёшь меня — и сама пропадёшь. Ты думаешь, кто я такой? Даже если меня не любят в доме Чэн, я всё равно член семьи. Если ты посмеешь тронуть меня, твоя жизнь тоже закончится.

Чжао Чжиман ответила:

— Если бы я боялась этого, разве стала бы тебя связывать?

Чэн Чжилинь хотел продолжить ругаться, но Чжао Чжиман взяла скотч и сказала:

— Мне не нравится, когда ты на меня кричишь. Если продолжишь, я заклею тебе рот. Или, может быть, за каждое твое слово я буду бить тебя.

Она говорила так спокойно, словно обсуждала покупку новой сумки. Её взгляд был даже нежным, что делало её немного привлекательной. Однако из-за содержания её слов это совсем не выглядело мягко. Чэн Чжилинь понял её, но понимание и вера — это разные вещи. Он был уверен, что Чжао Чжиман не посмеет с ним ничего сделать.

Чэн Чжилинь не испугался, а насмешливо засмеялся:

— Похоже, ты действительно сошла с ума. Я буду на тебя кричать: сучка, сучка, сучка!

Чжао Чжиман бросила скотч, развернулась и взяла кнут, после чего раздался свист и три резких удара.

Чэн Чжилинь мгновенно оцепенел. Ощущение от удара кнутом было совершенно иным, чем любая другая боль. Казалось, она проникала прямо в кости.

После трёх ударов Чэн Чжилинь даже не мог кричать. Он с ужасом смотрел на Чжао Чжиман, понимая, что она не шутит.

Чжао Чжиман посмотрела на кровь, проступившую на руке Чэн Чжилиня, и спросила:

— Чжилинь, ты знаешь, почему я тебя связала?

Чэн Чжилинь начал дрожать. Он никогда не видел Чжао Чжиман такой. До свадьбы она была очень мягкой, а после, хотя и часто злила его, всё же не осмеливалась ему перечить. Теперь же она была пугающей.

— За... зачем? — спросил он.

— Потому что я думаю, что жить уже не интересно. Я хочу просто убить тебя. Я уже не молода и не красива, а ты, даже в семьдесят лет, будешь искать молодых и красивых. То есть я вышла замуж за пустую оболочку. Раньше я действительно ошибалась, стараясь во что бы то ни стало выйти за тебя. Но теперь я поняла, что мне уже нечего терять. Если мы оба умрём, дедушка, наверное, будет лучше относиться к Цзыюэ, верно, Чжилинь?

Чэн Чжилинь сжался от ужаса, так как Чжао Чжиман, закончив говорить, снова приблизилась к нему с кнутом. Он поспешно сказал:

— Чжиман, я виноват. Я больше не буду изменять тебе, не буду искать других женщин. Я буду хорошо к тебе относиться, давай не будем так делать, хорошо?

Чжао Чжиман не слушала. Она медленно встала и сказала:

— Думаю, лучший способ убить тебя — это замучить до смерти. Как ты считаешь?

Сказав это, она не стала ждать его ответа и снова ударила его кнутом.

Звук тяжёлого кнута, рассекающего воздух, был пугающим, а звук его ударов по телу был ещё страшнее. Даже не видя этого, можно было почувствовать мурашки от одного только звука.

Чжао Чжиман жестоко отхлестала его больше десяти раз, затем села, перевела дух и сказала:

— Я отдохну.

Чэн Чжилинь был одет в простую рубашку, которая теперь была порвана. Следы от кнута на его теле продолжали сочиться кровью. Он свернулся в клубок, боль заставляла его постоянно дёргаться. На его лице тоже были следы от ударов, что выглядело ужасающе и вызывало жалость.

Когда Чжао Чжиман остановилась, он слегка поднял голову, посмотрел на неё и, плача, умолял:

— Чжиман, я виноват, я действительно виноват. Всё это моя ошибка. Давай не будем так делать, правда, я больше не буду искать других женщин, не буду на тебя кричать. Давай жить спокойно, хорошо?

Чжао Чжиман смотрела на него спокойным взглядом, ничего не говоря.

<http://bllate.org/book/16558/1511493>